

ирина глебова

**ДОМ
ОКНАМИ НА ЛУГ
И ЗВЕЗДЫ**

Ирина Глебова

Дом окнами на луг и звёзды

«Автор»

Глебова И. Н.

Дом окнами на луг и звёзды / И. Н. Глебова — «Автор»,

Скромной семье с двумя детьми достаётся по наследству, совершенно неожиданно, старинный, современно оборудованный дом... Именно это событие становится ключом к тому, что происходит дальше. А это – и реальность, и сказка, и мистика, и запутанный детектив. Именно так, с переплетением разных жанров, написаны многие книги Ирины Глебовой. Время – сегодняшние дни, хотя есть ретроспектива в 19 век. Именно оттуда тянется одна неразгаданная тайна, которая сейчас найдёт своё завершение. Детективная линия – это современная жёсткая история, связанная с семейными неурядицами и большими деньгами. Есть и истории любви – не одна. И хотя здесь в центре всех событий – две маленькие девочки, книга не детская.

© Глебова И. Н.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Глебова

Дом окнами на луг и звёзды

В этой книге я, автор, выстраиваю мир, которому не обязательно соответствовать канонам мифологии, фантастики, мистики и т. п. Думаю, что имею на это право...

Имена главных героинь выбраны не случайно. Всё остальное может быть только совпадением.

Глава 1

– Я видела этот дом во сне, – сказала Даша.

– Я тоже, я тоже видела! Этот дом!

Аришка тут же запрыгала звонким мячиком, не отпуская мамину руку. Она всегда всё повторяла за старшей сестрой: то ли страшно боялась ей в чём-то уступить, то ли наоборот – ужасно хотела быть похожей. Мама знала об этом, потому не обратила внимание на слова малышки. А старшую дочь спросила:

– Наверное, когда ты узнала, что мы будем жить в новом доме, он тебе и приснился?

– Не-ет...

Даша подняла взгляд, и мама в который раз поразилась глазам дочери: и тому, какие они огромные, блестящие и ещё более тёмные от длинных ресниц. Но больше тому, как внимателен, проникновенен и глубок взгляд восьмилетней девочки...

– Нет, – Даша покачала головой. – Давно. Когда дядя Алик ещё был жив, а я даже и не знала, что у нас есть такой родственник.

Мама с папой переглянулись. Старшая дочь всегда была большой выдумщицей, часто её фантазии напоминали светлые сказки, но иногда в них было что-то тревожное. «Мистическое» – подумала мама, хотя в это взрослое слово не хотелось облачать детские выдумки. Впрочем, разве она сама когда-то не была такой же фантазёркой, не придумывала приключенческие истории, которые сбегались слушать её дворовые друзья?..

Мама постаралась, чтобы Даша не увидела в её взгляде смеси особой нежности и озабоченности.

– Ну что ж, – произнесла решительно. – Пора зайти и посмотреть, каков наш новый дом изнутри.

– Наш новый очень старый дом, – улыбнулся папа. Тут же подхватил на руки маленькую Аришу: – Мы с тобой пойдём первыми! Ведь у нас ключи от дома!

И позвенел связкой ключей.

Ариша была на три года младше Даши, на днях ей исполнится пять лет. Желание быть всегда самой первой, и уж обязательно первой старшей сестры, казалось главным сгустком энергии в этом маленьком человеке. Потому она радостно засмеялась словам папы, обхватила его за шею.

– Пойдём скорее! Первыми!

До этого они вчетвером стояли у подножья небольшого холма и смотрели вверх – на дом, так внезапно ставшим их собственностью. Умер дальний родственник папы, и неожиданно оказалось, что именно им он оставил свой дом. Вот этот самый, стоящий на очень красивом холме: пологом, уже поросшем густой, равномерной, словно специально засеянной травой и первыми полевыми цветами, с ровной, как срезанной ножом вершиной. Там высился дом, окружённый массивной каменной стеной. Кованые ворота стояли распахнутыми, был виден двор, ступеньки

высокого крыльца, красивые колонны, подпирающие широкий балкон. Двухэтажный особняк, построенный чуть ли не полтора столетия назад, страшно сказать – ещё в позапрошлом веке! По хорошо натопанной тропинке папа с Аришей на руках, бегущая следом вприпрыжку Даша и замыкающая мама поднялись, вошли во двор. Гранитные ступени крыльца, отполированные временем и ногами до блеска, оказались, как ни странно, не выщербленными, дубовая дверь с резьбой – тяжёлой, хорошо пригнанной. Поддавшись первому рывку с трудом, она потом пошла плавно, без скрипа. Распахнулась, пропуская новых хозяев.

Холл, куда они вошли, был освещён солнцем. Свет лился через высокие стрельчатые окна и был таким ярким, что его не могли сдержать даже запахнутые шторы. Впрочем, шторы были не плотными, скорее ажурными. Ступив несколько шагов, все остановились, осматриваясь.

– Как же здесь красиво, – воскликнула мама. – Я такого не ожидала!

Это была не просто прихожая: просторное помещение с мягко закруглёнными стенами, обставленное мебелью. Диванчик и кресла вокруг двух столиков, старинные напольные часы, витые этажерки с настольными лампами, три тяжёлые кадки с фикусом, пальмой и ещё одним незнакомым, но очень красивым цветком.

– Однако, – протянул папа, присев и поглаживая пол.

И мама вдруг поняла, что они стоят не на цветном линолеуме, а на настоящем паркете, выложенном в тональные узоры. Стены тоже были очень искусно обшиты дощатыми планками – она знала от мужа, что эта техника называется «маркетри». В специально оставленных заштукатуренных промежутках висели картины-пейзажи, в том числе – две работы самого Сергея. На второй этаж вела деревянная лестница – прямая, широкая. Даже на глаз было видно, какие полированные и гладкие у неё перила и поддерживающие их витые столбики.

– Смотрите, девочки, какая люстра, – воскликнул папа, обращаясь ко всем троим.

Люстра явно была кованная, но настолько изящная, что казалась ажурной. Её витые конструкции переплетались, как лианы, тянулись вверх и распускались восьмью цветками-плафонами. «Фантастика! – подумала мама. – Но всё же это металл... Тяжёлый...»

– Не бойся, мамочка, люстра не упадёт, – сказала Даша.

Мама лишь улыбнулась ей в ответ. Она привыкла, что дочка часто говорит так, словно читает мысли. Но это, конечно, только свидетельство ума и внимательности девочки. Вот как сейчас: совсем не трудно было догадаться, о чём можно думать, глядя на массивную люстру... А Даша, ответив на улыбку, серьёзно добавила:

– Когда-то она уже падала, очень давно. Только это была другая люстра. А эта не упадёт.

– Ну, если вы, красавицы мои, так хорошо знаете этот дом, – хлопнул в ладоши папа, – то выбирайте себе комнаты сами!

– На втором этаже! – закричала Аринка. – Побежали, Дашка!

И девочки тут же помчались по лестнице вверх.

– Да, – глядя им вслед, папа обнял жену за плечи. – Как же всё это здорово получилось. Здесь таким фантазёркам, как наши дочери, просто раздолье.

– А мне и сейчас всё так странно! Серёжа, я уже как будто поверила, что у нас появился дом. Но вот увидела всё это великолепие, и вновь мне не по себе... Радостно, конечно, но и тревожно.

– Нет, нет, Машенька, тревожится ни к чему. Я уже понял, что всё закономерно. Альберт был человеком совершенно непредсказуемым, углублённым в себя. С первой же нашей встречи я понял, что чем-то очень ему понравился... Нет, не просто понравился – ошастливил, что ли? Трудно объяснить! Его завещание, конечно, и меня ошеломило, но сейчас я всё больше уверен, что по-другому он и не поступил бы... Ладно, пойдём и мы осматривать наши владения!

... Часы в прихожей стали мерно отбивать время. И хотя за пол дня, проведённые здесь, Маша уже привыкла к их ежечасному мягкому и мелодичному бою, всё же вздрогнула при первом ударе. Потом стала считать.

– Одиннадцать, – проговорили они с Сергеем вместе и засмеялись. Сидели они на полу – вернее, на удобных подушках-мутаках, – в комнате, которую называли «каминным залом». Была она небольшой, уютной, а главное – камин, занимающий целую стену, оказался совершенно готов к работе. За коваными воротцами аккуратно была уложена поленица дров, запасные дрова стояли рядом в такой же кованой дровнице, на специальной подставке – красивые, в той же технике исполненные каминные приборы: кочерга, щипцы, что-то ещё... Стоило Сергею поднести спичку, сухие дрова занялись спокойным огнём, ешё слышно загудела хорошо отлаженная вытяжка. Сразу стало уютно, просто волшебно. Они сели, обнявшись, и долго молчали. А потом раздался бой часов...

– Девчонки уже давно спят, а мне совсем не хочется... Серёжа, это та самая сказка, которую ты обещал мне, когда делал предложение?

– Я обещал? – Он с улыбкой погладил русые волнистые волосы жены. Ей очень шла короткая стрижка: Маша казалась совсем юной, стройненькой девушкой лет двадцати. А ведь ей было, как и ему, уже хорошо за тридцать... – Неужели я был таким романтическим лжецом?

Она потёрлась щекой о его плечо:

– Так ты с самого начала знал, что обманываешь меня? А я поверила! Но знаешь, таким наивным дурочкам Бог помогает. Видишь – разве это не сказка? Да ещё после нашей коммуналки!

Сергей и Мария поженились рано, ещё студентами. Учились они в разных вузах – он на художника, она на филолога, но не раз оказывались в одних компаниях, где тусовалась творческая молодёжь. Оба были родом не из этого большого города, а из маленьких районных центров, потому обитали в институтских общежитиях. Встречались они не долго, потому что быстро поняли – им не нужно будет никогда расставаться. Жили сначала у Сергея в общежитии, в огороженном ширмой уголке. Он был тогда уже известен в городском отделении Союза художников как перспективный, талантливый молодой живописец, потому и рискнул пойти к маститому мастеру, руководившему Союзом. Тот сразу пообещал: «Конечно же поможем!» А вскоре и правда молодым супругам выделили комнату в коммунальной квартире. Они были счастливы: своя комната, собственная, да ещё большая – двадцать квадратных метров! Правда, у них было ещё пятеро соседей, но скоро они со всеми подружились. Соседи оказались людьми пожилыми – или одинокими, или живущими уже без своих выросших детей. Потому молодую пару опекали, всему учили, помогали... Вскоре Сергея приняли в Союз художников, и руководитель сам сказал ему: «Твоя коммуналка – это временно. Скоро получишь хорошую квартиру». Но тут наступили другие времена...

Хорошо читать в исторических романах о том, как рушатся великие империи. Интересно! И трагический эпос чувствуешь, и грандиозность событий, и романтику – особенно если это давние легендарные времена. О том, как разрушалась в начале двадцатого века Российская империя написано много, это уже более близкие и понятные годы. Написано часто очень конкретно – о людях, их перевернутых судьбах. Но вот довелось Сергею и Маше, вместе со всей страной, оказаться на таком историческом изломе, когда, как в штормовом океане, сначала волна возносит на гребень надежд, потом бросает в бездну отчаяния. Своими глазами увидели, как всё перевернулось: привычные, стабильные ценности стали не нужными и, как будто, не правильными, а то, что презиралось и считалось позорным, например спекуляция, приобрело солидный статус и название «бизнес». Да только ли это! Не было больше на карте мира великой страны с названием Советский Союз, а в её обрывках-государствах царил хаос, где смешивались восторг и злоба, беспредел и беспомощность, нажива и нищета. Растерянность большинства людей и наглая торопливость тех, кто умел пользоваться обстоятельствами. Так продолжались годы. Люди учились выживать, приспосабливались, часто совершенно меняя самих себя и свою судьбу. Молодым адаптироваться было проще.

Сергей и Маша быстро поняли, что комната в коммуналке – это их жильё навечно, хорошо, что есть хотя бы такое. Понятие «получить квартиру» исчезло из обихода, теперь квартиру можно было только купить. А Мария, которая к тому времени уже преподавала в школе, оставила работу, потому что учителям перестали платить зарплату. Она стала писать сентиментальные рассказы для двух-трёх женских журналов. Журналы, заполненные рекламой косметики, фотографиями топ-моделей, историями о жизни кино-див и модных певиц, отводили под мини-рассказики последние страницы. Это должны были быть восторженно-слезливые, с привкусом эротики истории о «золушках»: современные – о девчонках, пробившихся на подиум знаменитых модельных фирм или встретивших красавцев-миллионеров, или романтически-готические, где действовали князья, графы и юные красавицы из народа... Маша наловчилась отлично клепать подобные произведения и даже делать их героинь живыми и обаятельными.

Художественный фонд, в котором Сергей проработал два года после института, развалился. Стали расти, как грибы, разные кооперативы, в том числе и оформительские. Сергей с трудом устроился в один – безработных художников было множество, – работа доставалась ему мелкая, но всё же какие-то деньги перепадали. Маше тоже платили гонорар, небольшой, но всё-таки. В общем, они не голодали, но и только. К тому времени вместе они были уже пять лет, понимали друг друга так хорошо, что угадывали даже потаённые мысли. Наверное потому о ребёнке стали думать одновременно. Ведь поначалу, когда поженились, казалось – ещё рано. Потом – не время, очень трудно. Теперь же Маша сказала первая:

– А будет ли когда-нибудь лучше, Серёжа? Сколько же нашему малышу ждать? Неизвестно ещё, а вдруг вместе нам окажется легче...

Однако проходили месяцы, ничего не менялось. Однажды Маша, не сказав мужу, прошла в женской консультации полную проверку и выслушала приговор: её организм так устроен, что детей у неё быть не может. Когда она, промучившись несколько дней в одиночку, решила рассказать мужу, он долго молча смотрел на неё, потом странно коротко рассмеялся.

– Такое совпадение можно назвать только чудом! Правда, чудом печальным. А, может, нет?

Маша смотрела во все глаза, не понимая, и он ей тоже признался... Какое-то время назад Сергея стали мучить сомнения: не по его ли вине у них нет ребёнка? Он вспомнил, что в детстве болел «свинкой» – ходил, мучаясь и стесняясь, с распухшей, словно надутый воздухом шеей. А как грамотный человек, он знал, что болезнь, называемая в медицине «паротитом», даёт осложнения, причём именно у мальчиков: вырастая, они бывают бесплодными. Далеко не все, конечно, но всё-таки... Когда все нужные анализы были сданы, Сергей узнал, увы, что его опасения не напрасны. У него никогда не будет детей...

У Маши по щекам покатались слезинки, но Сергей обнял её, сказал почти весело:

– А, может быть, так даже лучше? Никто из нас не будет страдать от чувства вины. Я же тебя знаю, ты непременно стала бы думать: «Будь рядом с ним другая женщина, он уже стал бы отцом! Он наверное мечтает об этом, а меня не бросает из жалости...»

– А ты, ты бы так не думал?

– Не могу ручаться, может быть. Теперь же мы можем не сомневаться друг в друге, просто любить. Разве это не чудо?

Прошло три года, молодые супруги жили счастливо. Двойное бесплодие, как магическое заклинание, освободило их от изнуряющих надежд, напрасных терзаний. Они знали, что всю жизнь будут жить друг для друга, и это знание соединило их сердца и души в неразрывное целое. Их жизнь была прекрасна, а на свой скудный достаток они просто не обращали внимание. Всё было так, когда Мария однажды поняла, что беременна. Любая другая женщина заметила бы это гораздо раньше, но Маша настолько привыкла к мысли о своём бесплодии,

что просто не обратила внимание на первые знаки. И только когда ребёнок локтем или ножкой явно и резко ударил там, внутри, она замерла и от изумления сказала вслух:

– Что это?

Её голос ещё не умолк, а она уже знала, поняла ответ. И поверила.

Она хорошо помнит, как впервые встретилась взглядом с дочкой. Новорожденную Дашу спеленали и положили на столик тут же, в родильном зале. Мария, обессиленная, но возбуждённая и радостная скорее оттого, что кончилась терзавшая её сутки боль, приподнялась на локте и повернулась, чтоб посмотреть на дочку. Даша – туго завёрнутая в белые пелёнки куколка – смотрела прямо на неё. Глаза казались огромными, очень внимательными. Конечно же, Мария слышала и читала о том, что младенцы в первое время ещё ничего не видят. Но, Боже мой, эта малышка явно не просто видела – она словно оценивала то, что видит. Мария и сама не могла оторвать от неё взгляда, на сердце волна за волной накатывались чувства – восторга, нежности, умиления, удивления... Вдруг маленькие губки девочки – необыкновенно чёткие, словно нарисованные, – дрогнули в улыбке. Во всяком случае так Маше показалось – малышка улыбнулась. В это мгновение подошла санитарка, подхватила ребёнка на руки, унесла, что-то улюлюкая. Машу накрыли тёплым одеялом, сказали: «Поспи немного, через полчаса увезём тебя в палату». Она и вправду почти сразу впала в сладкую томительную полудрёму, а после так до конца и не знала: в самом ли деле видела этот оценивающий взгляд и улыбку новорожденной дочки или это ей пригрезилось. Ведь в следующие дни девочка, когда медсестра приносила её в палату, вела себя совершенно так же, как и другие младенцы: сосала грудь, плакала, спала... Вот только глаза у неё были всё-таки необычными. Дня через два, когда детей принесли очередной раз им, мамашам, нянечка, подавая девочку Маше, сказала:

– А вот и твоя глазастая красавица!

И Маша вдруг осознала: у Дашеньки тёмные глаза! А ведь и она, и Серёжа светловолосые, светлоглазые: у неё серые глаза, у него голубые. Впрочем, Серёжа этому легко нашёл объяснение: его тётя – сестра матери, – была смуглая, кареглазая. И как-то она сказала ему, мальчишке, что похожа на свою мать, Серёжину бабушку, а та, возможно, даже имела чутки цыганской крови...

Когда они поняли, что коммуналка – это их постоянное жильё, решили: что ж, пусть так. Но какие-то четыре стены, квадратные метры или отсутствие собственной кухни не могут решать – появиться на свет человеку или нет! А им уже так хотелось второго ребёнка, причём совершенно безразлично мальчика или девочку. Ребёнка, человечка! У друзей, знакомых дети болели, капризничали, плакали ночами, вымучивая родителей, но те всё равно были счастливы. Что же говорить о них, Сергее и Маше: с малышкой у них не было проблем! Даша совсем не болела, прекрасно ела, крепко спала ночами, была весёлой и невероятно общительной. Правда, долго не начинала ходить: уже годик ей миновал, а она всё осторожничала, не отпускала мамину руку, а, сделав один шаг, тут же садилась на пол. Но зато она уже хорошо говорила. На улице люди невольно останавливались, любуясь очаровательной девочкой – большеглазой, с копной тёмных волос. А она, поймав улыбку взрослого незнакомца, улыбалась в ответ и говорила:

– Меня зовут Дашенька, а тебя как?

Или какую-нибудь другую фразу, повергая человека в удивление и умиления. Чудеса продолжались. Как только Сергей и Маша решили, что хотят, очень хотят второго ребёнка – всё произошло. Хотя и до этого они любили друг друга не сдерживаясь, не оберегаясь. И родилась Аринка в тот же самый день, что и Даша, и был этот день таким же по-летнему солнечным, тёплым, хотя шёл ещё май. Так же, как и три года назад, они несли дочку из роддома на руках – через сквер, не торопясь, ведь это была первая прогулка новорожденной. А рядом вприпрыжку бежала Даша и всем встречным радостно сообщала:

– Это моя сестричка! Она только что родилась!

Люди улыбались в ответ, говорили добрые слова. А дома, когда малышку распеленали и положили в кроватку, Даша посмотрела и сказала с восторгом:

– Какая хорошенькая!

Соседи по очереди заходили посмотреть, приносили подарки. Даша, как страж, стояла у кроватки и всем объясняла:

– Она маленькая, но всё понимает! Очень умная!

Девочка и в самом деле смотрела на всех весёлыми глазками – не такими большими, как у сестры, но тоже тёмными, блестящими. Пушистые волосики на голове торчали забавным ёжиком, а руками и ногами она двигала так энергично, словно рвалась уже сейчас куда-то бежать.

Она, Арина, и вправду начала ходить очень рано, семи месяцев от роду. А вот говорить по-настоящему только к двум годам. Но существовало одно слово, известное ей, казалось, чуть ли не с рождения. Отталкивая руки взрослых, желающих ей помочь – поднести ложку ко рту, сесть на велосипедик, дотянуться до игрушки, подняться, если споткнулась, – она сердито, с напором говорила:

– Сама! Сама!

Так она и росла, стараясь всё делать самостоятельно. Если Даша и сейчас, идя по улице, брала маму за руку, то младшая бежала впереди, заглядывала во все ямы, щели, открытые канализационные люки.

Ах, какими разными были эти девочки-сестрички! Разные, но очень дружные. Не раз, глядя на них, Маша думала: «Они так понимают друг друга, словно мысли читают. Даже когда ссорятся». У неё самой, так же, как и у Сергея, не было братьев и сестёр. И она радовалась: «Как хорошо, что их двое!»

Сегодня девочки впервые легли спать отдельно друг от друга. Впрочем, сегодня многое было для всех них впервые, удивительно и необычно. Даша и Ариша выбрали каждая себе комнату на втором этаже. Когда они все шли сюда, не думали оставаться ночевать. Но дом не отпустил их – и потому, что сам по себе был чудесен, и потому что, казалось, предусмотрел всё необходимое. Холодильник в кухне был полон продуктов, да ещё холодильная камера в цокольном этаже хранила приличный запас съестного. Посуда, постельное бельё, библиотека: классика, поэзия, искусство, детективы, фантастика, детские книжки... Две ванные комнаты: внизу настоящий маленький бассейн, вверху – джакузи, о которой они до сих пор только слышали. И полный набор туалетных принадлежностей вплоть до нераспакованных зубных щёток. Но что особенно поразило – два взрослых и два детских купальных махровых халата. Маша и Сергей переглянулись: что-то было в этом и трогательное, и тревожное. Вот тогда девочки запросились остаться, родители согласились – им самым не хотелось уходить.

Часы вновь пробили один раз.

– Половина двенадцатого, – сказал Сергей. – Пора и нам опробовать нашу новую спальню.

– Какие сны в той спальне нам приснятся?... – произнесла Маша голосом Гамлета. И добавила беззащитно: – Серёжа, ведь это и правда так странно. Мне немного страшновато, а тебе?

– Мне нет. Честное слово, даже сам не могу объяснить, но я этот дом ощущаю своим. Родным, что ли?

– Но ведь это так и есть, дом твоих предков.

– Потому я уверен: здесь не просто безопасно. Он – наша защита. Пойдём, дорогая, пойдём...

Он легко вскочил на ноги, поднял Машу и за руку, ласково, как ребёнка, повёл на второй этаж.

Глава 2

Ариша проснулась, как просыпалась всегда: просто открыла глаза, словно и не спала вовсе. Сны ей не снились. Когда Даша рассказывала о своих, похожих на сказку сновидениях, младшая сестра сердилась:

– Ты всё выдумываешь!

Она, бывало, плакала от обиды: почему Дашка видит по ночам такие чудеса, а она, Ариша, даже не представляет – что же такое «сон»? Но это происходило раньше, когда она была маленькой. Теперь она привыкла, слушала рассказы сестры с интересом, но спокойно. И корчила рожицу:

– Подумаешь, в книжках ещё лучше сочиняют!

– Ты глупенькая, – говорила Даша высокомерно, и пока Ариша подыскивала обидный ответ, поворачивалась и уходила. Зато Ариша никогда не бывала сонной и капризной вечерами и медлительно-неуклюжей по утрам. Просто она в какой-то момент говорила:

– Всё, я сплю.

Ложилась и засыпала сразу. И просыпалась: открывала глаза и вставала. Так, как и сейчас. Сунула ноги в тапочки, подняла и полюбовалась: два симпатичных ёжика, но не колючих, а пушистых. Пижамка тоже была новенькой, мягкой, красивой. И удобной – прямо точно на неё. Как будто кто-то знал заранее, что она выберет себе эту комнату, и всё приготовил.

Ариша тихонько вышла в коридор – дверь открылась легко, без скрипа. Было светло. Вдоль одной стены тянулся ряд окон. Они все выходили на балкон, который опоясывал весь второй этаж этой стороны дома. В окна лился свет от яркого тонкого месяца. И там же, недалеко от него Ариша сразу увидела Звезду. Но ей хотелось смотреть на Звезду не через стекло, потому она и шла к балконной двери. У комнаты старшей сестры она остановилась: свет горит и голоса какие-то! Чуть приоткрыла дверь и заглянула. Красивая ночная лампа в виде цветка-колокольчика делала комнату тускло-голубой, Даша сидела в постели, опираясь на подушку, а рядом с ней, на одеяле, примостился маленький человечек, не больше их любимого плюшевого мишки – ещё маминой игрушки.

«Гномик, – подумала Арина. – Только почему-то без колпачка. Может, потерял? Надо же, не врала Дашка!»

Тут Ариша вдруг вспомнила их недавнюю ссору, и ей стало немного стыдно. Тогда она прибежала к маме плача и жалуюсь на сестру:

«Мама, куклы ведь не живые? Я положила их в ящик головой вниз, а Дашка злится, говорит: ложись и ты так! А я ведь живая!»

Теперь же она засомневалась: «А, может, и про кукол Даша не выдумывала? И правда они живые, как этот гномик?» Но тут же её голова сама повернулась в сторону окна, в глаза кольнул тонкий луч Звезды, и она, осторожно прикрыв дверь, пошла на балкон.

Ночной ветерок был такой тёплый и приятный. Он взъерошил Арише волосы. Они у неё давно уже не торчали ёжиком – отросли, потемнели, погустели. Стригли девочек одинаково – под средневековых пажей, – и делал это сам папа.

– Я ведь художник, – говорил он. – Всё будет не хуже, чем в салоне причёсок!

Стрижки и тёмные глаза делали сестричек особенно похожими, хотя, если приглядеться, они оказывались разные. И волосы у Даши были гуще, темнее, а при солнечном свете отливали медью. Ариша как-то раз даже заявила: «Когда вырасту, покрашусь, как Даша!»

... Девочка подняла лицо: совсем рядом с балконом качались ветви большой осины, серебристые листья, подрагивая, переливались, отражая лунный свет. Они почти звенели – тихо, нежно, и этот звон-шелест чудесным образом сливался со звоном-блеском звёзд. Той самой, одной Звезды.

Оттого, что здесь была городская окраина, не теснились дома, не светили фонари, небо открывалось широко, вольно. В эту ночь молодого месяца звёзды усыпали небосвод, превратив его в блистающий купол. Маленькая девочка стояла, прислонившись к лепному вазону, запрокинув голову, не отводя взора. Сначала мелкие-мелкие звёздочки сливались в одну белесую полосу: Ариша ещё не слышала названия «Млечный путь». Но чем дольше смотрела она, тем яснее становилась видна каждая звезда, и вскоре девочка почувствовала: её уже нет здесь – ни на балконе, ни в доме, ни вообще на земле! Она среди звёзд, но не летит, как птица, и не плывёт, как рыба – что-то совсем, совсем другое. Вокруг разноцветное сияние, оно переливается, меняет не только цвет: движется, как живое, и там, в глубине, то ближе, то дальше проступают неуловимо прекрасные... Что? Девочка не может понять: картинки, или фигуры, или лица. Не может понять, потому что и сама она растворилась в этом свете, и сама она – то самое, неуловимо прекрасное. Ей так легко, радостно... Но тут свет вспыхнул ярко, сузился в тонкий луч, кольнул в глаза так, что она вскрикнула и закрылась ладошками! Потом осторожно, сквозь пальцы, посмотрела в небо. Вновь сразу увидела Звезду и тихонько засмеялась от радости. Потому что всё помнила, что только что было с ней. Конечно же было, а не приснилось, как снится старшей сестре.

Она постояла ещё немного – ветерок так ласково гладил щёки. Звезда продолжала тихо мерцать, словно нащёптывала: «Не беспокойся, я здесь...» Аринка подумала, что, когда вернётся в свою новую комнату и ляжет в кровать, в окно она будет видеть Звезду. «Наверное, я эту комнату выбрала специально, – вдруг догадалась она. – Из Дашиного окошка мою Звёздочку не видно!»

Она направилась к себе, радостно думая о тех чудесах, которые только что пережила. И так замечталась, что не заметила, как миновала комнату старшей сестры, даже не вспомнила о гномике. Но вдруг услышала за спиной шорох и оглянулась. Гномик как раз выскользнул из комнаты, осторожно прикрывая за собой дверь. Быстро глянул на застывшую Аринку, вежливо кивнул ей, но не сказал ни слова, а пошёл от неё по коридору. Как же так, – стало ей обидно, – вот он сейчас совсем уйдёт!..

– Послушайте, а почему на вас не колпачок? Вы же гномик?

На маленьком человечке и в самом деле уже была шапочка, похожая на берет, с блестящим изумрудным пёрышком. Она и правда была необычной, но Аринка спросила об этом, потому что ничего другого так сразу не придумала.

Человечек остановился, немного помедлил, потом пошёл ей навстречу.

– Здравствуй, девочка Звезды, – сказал он тихо и вежливо. – Не кричи так громко, твоя сестра только что уснула. Нет, я не гном, хотя мы с ними в родстве.

– А кто же вы?

– Я альв.

– Это вас так зовут?

– Нет, это название моего клана.

– А-а-а, – девочка не поняла последнего слова, но догадалась, – это вроде русских или китайцев?

Она смотрела на него во все глаза, низко наклоняясь, но вдруг обнаружила, что уже наклонять не нужно: альв незаметно стал её роста.

– Здорово!

Аринка хлопнула в ладоши, но он тут же строго приложил палец к губам. Теперь девочка хорошо могла рассмотреть необычного гостя. Он был не молод, без бороды и усов, с морщинками – весёлыми около глаз и добрыми около губ. Волосы под беретом волнистые, почти до плеч, седоватые, тёмно-бордовая бархатная курточка с блестящими пуговицами, такого же цвета штаны, заправленные в сапожки на высоких каблуках...

– А как же вас зовут? Меня – Арина!

Вспомнила, что нужно и самой представиться. Альв кивнул:

– Я знаю, девочка Звезды. Называй меня уми Эрлик. – И, словно зная, что она сейчас спросит «это имя и фамилия?», он объяснил: – «Уми» – это уважительное обращение. Как «господин», или «сударь».

– А мне Даша о вас рассказывала, вы ей снились!

Он улыбнулся и кивнул:

– Да, я раньше к ней приходил только во снах, а теперь мы впервые встретились в сущем.

Опять Аринка не знала последнего слова, но вновь сообразила – это когда не спят, вот как сейчас.

– А почему? – спросила она.

Уми Эрлик погладил маленькой ладонью её по волосам.

– Потому, что вы, девочки, наконец попали в этот дом, и теперь станете теми, кем вы есть. А я смогу навещать Дашу.

– А ко мне вы не будете приходить?

Малышка ревниво и обиженно насупила брови. Альв снова ласково погладил её по голове:

– Ты сможешь меня видеть, но приходить я буду к твоей сестре. Она одна из нас – она фея.

– Так вот почему она ругала меня за кукол, – сразу забыв огорчения, воскликнула Аринка.

Альв кивнул:

– Да, она может видеть живое в неживом... Она многое может!

– А я? Я тоже это всё могу?

– Нет, – он снова стал серьёзным и даже поднял назидательно палец. – Тебе не дано то, что Даше. Ты не фея. Но ты можешь многое другое.

– Но кто же я? И что я могу?

Совершенно незаметно уми Эрлик вновь уменьшился в росте, повернулся и стал уходить по коридору. Оглянувшись на минутку, сказал:

– Ты – девочка Звезды. А то, что ты умеешь делать, ты скоро сама узнаешь...

– Постойте, – громким шёпотом позвала его Аринка. – Куда вы идёте, там же нет двери! Но альв, уже не оборачиваясь, махнул рукой, подошёл к глухой стене и исчез в ней.

– Ну конечно, – Аринка пожала плечами, – он же волшебный! И весь этот дом волшебный!

Раскинув руки, она легко побежала по мягкой ковровой дорожке к своей комнате. Ей казалось, что она полетит, обязательно полетит! Это была её самая большая мечта – летать. Не на аттракционе в парке или даже в настоящем самолёте, а самой, как птица! Сколько себя помнит, всё залезала повыше – на стол, забор или высокий пригорок, прыгала, отчаянно размахивая руками: вот сейчас, сейчас полетит!.. Но не получалось. А теперь, после разговора с уми Эрликом, поверила: обязательно полетит, если не сегодня, то завтра или послезавтра...

Девочка не удивилась тому, как обращался к ней альв. Родители часто называли её почти так же. Мама рассказывала, что она всегда любила смотреть на звёзды...

В первые два месяца после рождения малышка не доставляла родителям никаких хлопот – только радость. Но вот однажды пришли в гости приятели Сергея – бородатый кудлатый художник с громовым смехом и его маленькая экзальтированная жена. Закатывая глаза, она повосхищалась весёлой Аринкой, а потом встревожено сказала:

– Кровать вашей малютки стоит неправильно! Обязательно нужно, чтобы головкой она лежала на восток. Многие эзотерические источники и светская наука доказывают – должно быть именно так! В этом случае циклы кровообращения человека и круговорот мировой энергии совпадают, положительно влияют на здоровье и карму!

Эта женщина и её муж тут же перетасили кроватку к другой стене, развернули и восторженно заявили: теперь девочке обеспечено и крепкое здоровье, и прекрасное будущее...

Остаток дня Аринка провела на руках у родителей и гостей, в манеже среди игрушек, на широком родительском диване, где уже довольно шустро ползала. Когда же под вечер её положили спать, она впервые заплакала. И упорно капризничала всю ночь. Впервые Сергей и Маша узнали, что такое бессонная ночь с младенцем на руках. Они по очереди ходили по комнате, укачивая малышку, строили самые разные предположения, причём Маша была близка к истине, когда в сердцах сказала:

– Да уж не сглазили ли её Савельевы?

Временами Аринка затихала на несколько мгновений – как раз тогда, когда её поворачивали лицом к окну, да только родители об этом ещё не догадывались. Трепетно надеясь, что девочка наконец-то заснула, они, затаив дыхание, пытались положить её в кроватку, и она тут же вновь начинала плакать. Трёхлетняя Даша то засыпала, то просыпалась, и уже под утро вдруг сказала:

– Мамочка, она же не видит звёздочек! Поставьте её кроватку обратно!

Маша, измученная, в сомнамбулическом состоянии, сразу ухватилась за эту мысль, как за спасительную соломинку. Они перенесли кроватку на прежнее место, положили малышку и, – о, чудо! – та улыбнулась, что-то радостно пролопотала и тут же крепко уснула... Когда в тот же день Маша спросила старшую дочь, как же она догадалась, Даша ответила серьёзно:

– Ко мне во сне пришёл мой друг и сказал.

– Кто же это такой, твой друг?

Сергей подхватил дочку, покружил и посадил себе на колени. Она со смехом обхватила его за шею, покивала:

– Он альф.

– Эльф? Ты сказала «эльф»?

– Нет, папочка. Но можно сказать и так, а можно сказать и гномик.

Голос у неё был снисходительный, как будто она, взрослая, разговаривает с маленькими.

– Ты моя чудесная фантазёрка! – Маша поцеловала дочку в пушистые волосы. – И большая умница: никто не догадался, только ты, что кровать должна стоять на старом месте. Надо же, нравится Ариночке там!

– Ей нужно видеть звёзды, – вновь повторила Даша.

– Но почему?

– Не знаю. Она вырастет и сама скажет.

Конечно, родители были убеждены, что звёзды – это только Дашино воображение. Но всё-таки стали замечать, что малышка очень любит вечерние прогулки в коляске с открытым верхом. Лежит, смотрит в небо, улыбается, лопочет... Сергей первый назвал её «девочка со звёзд». И хотя, когда Аринка повзрослела и её внимание к звёздному небу перестало явно проявляться, прозвище осталось. Время от времени то Маша, то Сергей так её называли...

Глава 3

Сергей проснулся с ощущением того, что он спит в поле, под чистым высоким небом. И сразу же улыбнулся, увидев над собой потолок цвета нежно-голубого, с оттенком бирюзы. Воздух в спальне правда был чист и словно настоян на запахах разнотравья – работал какой-то особенный кондиционер.

Маша ещё спала, вольно разметавшись на широченной кровати. Да уж, это не их прежнее «супружеское ложе» – старый раскладной полуторный диван, неимоверно скрипящий и проступающий пружинами. Они, правда, не обращали на это внимания, им было всегда хорошо в тесных объятиях. Но вчера, поднявшись в спальню, охнули, увидев это великолепное сооружение в бело-голубой пене одеял, простыней, подушек. А когда легли, поняли, как же это хорошо, когда можно выбирать – прижаться друг другу или раскинуться свободно, в своё удовольствие!

Протянув руку, Сергей взял с прикроватной тумбочки пульт, нажал одну из кнопок. Он ещё вчера обследовал этот маленький механизм и теперь не ошибся: портьеры волнами поднялись вверх, открыв окно необычной готической формы с прозрачно-чистым стеклом. Солнце встало совсем недавно, сияло так ясно, а небо оказалось почти такого же чудного цвета, как потолок спальни. Сергей осторожно встал – кровать не скрипнула, не потревожила спящую женщину. Набросив махровый короткий халат, который он вчера обнаружил в ванной комнате, Сергей вышел на балкон, сел в кресло среди красивых растений, закурил... Вчера он сказал жене, что всё, связанное с этим домом, не кажется ему странным. Но сейчас сам себе признался, что есть во всей этой истории и непонятные моменты, и неразрешимые вопросы, которые тревожат. Сам не заметил, как стал вспоминать всё сначала – первую встречу с Альбертом.

Случилось это не так давно, и года не прошло. Время от времени к ним заезжал в гости Машин бывший одноклассник Миша Вакуленчук. В студенческие годы Миша был в Машу влюблён и, как подозревал Сергей, от этого чувства не избавился поныне. Худенький, невысокий Миша, с русой бородкой и мягкими, уже редющими волосами, с высоким тембром голоса многим казался странным. К тому же говорил он обычно поэтически восторженными и философски запутанными фразами. Но Сергей и Маша знали, что он большой умница и эрудит, и просто хороший человек. Они были к нему привязаны. Миша, в свои за тридцать не женатый, единственный сын и внук обеспеченных предков, занимался чем хотел: вращался в кругу городской богемы, сам писал стихи и рисовал. А в тот раз он забежал к ним и предложил Сергею устроить выставку картин – картин именно Сергея.

– У меня появились заказчики, очень богатые люди! – как всегда на подъёме рассказывал Миша. – Они готовы спонсировать выставку. Я сказал им, что ты – ещё неоткрытый талант, но скоро твоё имя прогремит, и тогда к твоим работам будет не подступиться!

Миша всегда подчёркивал свои самые дружеские чувства к Сергею, и, похоже, немного преувеличивал. Но его восхищение творчеством Сергея было искренним с самого первого дня их знакомства. Миша был истинным знатоком живописи и не сомневался, что муж его одноклассницы настоящий талант.

Выставка открылась уже через месяц в одном из новых частных салонов. Причём, Сергей не платил за аренду, за доставку и установку картин, даже традиционный фуршет в день открытия организовывал не он – спонсоры. Он сам с ними познакомился на открытии выставки: Миша подвёл его к трём мужчинам и женщине. Сергей сразу уловил их разный социальный статус: один казался из старых интеллигентов, возможно, бывший научный сотрудник, двое других явно нувориши – помоложе, попроще, пооткормленнее. Женщина – стареющая дива с пышно взбитой причёской, мелированной в три цвета, – жена одного из этих. Впрочем, они тоже изо всех сил старались выглядеть культурно, хотя покровительственного тона не скрывали. Сергей не обижался. Он всё же был обязан этим людям: первая выставка, хорошая

реклама в прессе и на телевидении, поток посетителей. Приходили на выставку люди не бедные – картины покупались. А ведь Сергей назначил цены просто заоблачные: так не хотелось ему расставаться со своими работами! И всё-таки покупатели находились, с десятков картин были проданы. Процент устроителям выставки шёл очень приличный, но и ему, автору, такие суммы до недавнего времени не снились... За полтора месяца он просто разбогател!

Каждый день, хотя бы часа на два, Сергей приходил в выставочный зал. В первые дни его сопровождали Маша и обе девочки. Для них это был праздник. И потому, что вокруг ходили люди, смотрели на картины, нарисованные их мужем и папой, восхищались, обсуждали, и потому, что в этом зале было так красиво! А ещё потом они всей семьёй шли в кафе-мороженое – теперь Сергей мог позволить себе угощать своих любимых «девочек»... Но вскоре Маша с дочерьми стала оставаться дома – у неё появился срочный заказ для одного журнала. Сергей же приходил, ему нравилось общаться с посетителями выставки, слушать, что говорят люди, отвечать на вопросы, вести диалоги-обсуждения. В один из таких дней к нему подошёл незнакомый мужчина.

– Мне очень нравится выставка, – сказал этот человек, – хочу кое-что приобрести. Но я к вам лично подошёл не поэтому... Сергей Александрович, может оказаться, что мы с вами родственники. У вас фамилия редкого звучания. У меня – тоже. Почти такая же. Лугренье.

Чуть склонив голову, он смотрел на Сергея вопросительно. Отчество он узнал, видимо, из вывешенного перед входом листка с биографическими данными автора. Ну а фамилия, естественно, красовалась на афишах крупными буквами – «Художник Сергей Лугреньев». Совпадение показалось Сергею удивительным. Радостно улыбнувшись, он воскликнул:

– Очень может быть, и даже скорее всего! Мне мать говорила, что именно так – Лугренье – звучит наша фамилия в оригинале, имеет французское происхождение. Во время войны деду выправляли документы после ранения, в госпитале, не поняли, видимо, и «обрусили» его. Он сразу не заметил, потом не до того было, чтоб исправлять, так и осталось...

Теперь он с интересом разглядывал своего собеседника. Среднего роста, коренастый и крепкий, приличные залысины, но волосы почти не седые, тёмные. Тоже тёмные и очень живые глаза, выглядит лет на пятьдесят, но, возможно, и больше. Симпатичный человек. А тот уже протягивал ему руку:

– Меня зовут Альберт. Альберт Александрович. Скажите, у вас фамилия отца?

– Матери, – ответил Сергей. Отца своего я никогда не знал, так получилось.

– А как же вашу маму зовут?

– Звали... Её, к сожалению, уже нет в живых. А звали её Татьяна Всеволодовна.

– Понял, – обрадовался Альберт Александрович. – Ваш дед – Всеволод Лугренье, которого переделали в Лугреньева. Всеволод Евграфович?

– Кажется... – Сергей смутился, ему было неловко, что он не помнил отчество деда, а этот незнакомец знал. Но тут же добавил более уверенно: – Точно, припоминаю, мама так и называла своего отца. Простите, я ведь его никогда и не видел.

– Значит я не ошибся, мы родственники! – Альберт крепко пожал Сергею руку. – А вы имеете семью? Детей?

– Обязательно! Пойдёмте, покажу...

Выставка занимала два зала, Сергей повёл родственника во второй.

– О, сюда я ещё не добрался, – проговорил тот на ходу. – Прекрасные работы! Вот это, «Серебряное озеро», обязательно куплю...

Но тут Сергей остановился у картины. Всего один раз он нарисовал своих дочерей – те не любили позировать, не выдерживали и десяти минут. Но эта единственная картина ему удалась: девочки сидели на диване, рассматривая картинки в книге, Ариша увлечённо тыкала в страницу пальчиком, Даша посматривала на неё снисходительно, как взрослая на маленькую...

– Вот, это мои дочери.

– Две девочки, – пробормотал Альберт. – Как живые...

У него было странное выражение лица. А потом он проговорил тоже нечто странное:

– Но не близнецы...

И такое разочарование прозвучало в его голосе, что Сергей удивился. Ну да, Дашу и Аришу на картине на первый взгляд можно было принять за близняшек: темноглазые, с одинаковыми причёсками, но потом становится видно – нет. Что же тут такого? Но, видя, что новоявленный родственник и в самом деле огорчён, он сказал:

– Да, они не близнецы. Но, тем не менее, они родились в один день!

– В один день?

Альберт поднял на него взгляд, и Сергею стало немного не по себе.

– Ну да, – повторил он, словно и сам удивляясь. – В один день, только с разницей в три года. – Засмеялся: – Они вообще у меня необыкновенные девчонки. Представляете, по всем законам природы они просто не должны были родиться! А вот же – смотрите какие!

Но Альберт смотрел уже не на картину – на него. Странно смотрел, молча. Вдруг у него искривились губы, задёргалась щека, руками, на груди, он с силой сжал полы пиджака, словно хотел пахнуть его.

– Простите, мне нехорошо...

И быстро пошёл к выходу, да что там пошёл – почти побежал. В широкое окно Сергей увидел, как на улице он, уже не сдерживаясь, бегом бросился в сторону заднего двора выставочного зала. Подумал недоумённо: «Там гаражи, подсобные строения...» Прождал ещё час, ведь явно человеку стало плохо, может что-то с желудком?.. Но родственник не вернулся.

Дома он рассказал Маше об этом неожиданном знакомстве с радостью. Надо же, родственник! У него их никогда не было. Как он и сказал Альберту, отца своего Сергей не знал. Мама родила его, не выходя замуж.

Татьяна Всеволодовна была женщиной сдержанной и даже строгой, ещё бы – учительница математики, директор школы! Серёжа, ученик той же школы, никогда поблажками не пользовался, с него был спрос даже больше, чем с остальных ребят. Мальчишкой он, конечно, интересовался, кто его папа, но мать однажды резко оборвала эти его вопросы – да так, что никогда больше он её не расспрашивал. Он даже думал, что отчество мама дала ему просто из головы, так, чтоб звучало как у Сергея Есенина – Сергей Александрович. Потому что мама очень любила этого поэта. Но как-то раз, уже подростком, он случайно слышал обрывок разговора матери с тётей Ольгой, из которого понял: мама, ещё девушкой, сильно полюбила женатого мужчину, знала, что семью он не бросит, и решила иметь от него ребёнка. А чтобы этот мужчина даже не знал о том, до рождения сына уехала из своего города совсем в другое место, устроилась работать в школу небольшого райцентра... Узнав эту историю, Сергей поверил, что носит отчество своего настоящего отца.

Остальное он уже додумал, представил сам. То ли для того, чтобы оградить любимого человека от ненужных хлопот, то ли оттого, что родители не приняли её беременность, но мама не поддерживала отношений со своими родными. Вот Сергей и не знал дедушку и бабушку, никогда их не видел. А, может, они умерли рано... Помнил он только свою тётю, сестру матери Ольгу. Она изредка навещала их, он знал, что она одинока, не замужем. А когда ему было лет четырнадцать, она стала монахиней какого-то женского монастыря и тоже исчезла с горизонта. Мама – Татьяна Всеволодовна, – была женщиной красивой, молодо выглядевшей: стройная, голубоглазая, с густой копной светло-русых волос. Серёжа очень любил её, всегда любовался, а когда стал художником, написал по памяти и по фотографиям прекрасный портрет... Она нравилась мужчинам, за ней ухаживали, несколько раз звали замуж, но мама как-то сказала Серёже: «Я, когда ждала твоего рождения, дала слово посвятить свою жизнь тебе»... Свои слова Татьяна Всеволодовна всегда держала крепко.

Вот почему у Сергея не было ни родных, ни двоюродных братьев и сестёр, а к более дальним родственниками у него был как бы перекрыт путь жизненными обстоятельствами матери. Знакомство с Альбертом его искренне обрадовало. Он был уверен – Лугренье ещё появится. И точно, через день Альберт вновь пришёл в выставочный зал, сказал Сергею:

– У меня не всё в порядке со здоровьем, бывают такие внезапные приступы. Не обращайтесь внимание.

И пригласил Сергея посидеть в ближайшем ресторане, поговорить, познакомиться поближе. Альберт сам сделал внушительный заказ – стол заставили холодными и горячими закусками, но из выпивки каждый из них взял лишь по бокалу лёгкого вина. Оказалось, оба новоявленных родственника спиртным не злоупотребляют. Причём Альберт не злоупотреблял настолько, что всего лишь пригубил свой бокал. Возможно, здоровье не позволяло ему пить.

В эту встречу Сергей узнал много интересного о своих родовых корнях.

– Я, всё-таки, потомок рода по прямой линии, то есть, от старших сыновей. И потом, первый Лугренье, появившийся в России, всё-таки мой прадед – это не так уж далеко по времени.

– А мой? – спросил Сергей.

– Твой, Серёжа, прапрадед, – ответил Альберт. – А ты мне троюродный племянник.

Он и Сергей уже договорились называть друг друга по-родственному, на «ты», и теперь Альберт с нескрываемым удовольствием, даже с какой-то нежностью произносил «Серёжа». Сергею тоже оказалось совсем не трудно называть его просто «Алик» – так Альберт сам попросил. Хотя и был он старше Сергея на пятнадцать лет. Впрочем, они этой разницы особенно и не ощущали.

– Приехал первый Лугренье, маркиз Филипп де Лугренье, ко двору императора Александра Второго в составе дипломатической французской миссии, где-то в 1870-м году. Как раз шла франко-прусская война, Россия придерживалась нейтралитета, возможно французский император Наполеон Третий хотел склонить Александра на свою сторону. Но война завершилась быстро, через два месяца от её начала Наполеон был пленён под Седаном, во Франции начались политические беспорядки, восстания, которые завершились уже через полгода Парижской Коммуной... Ну и наш с тобой предок не стал возвращаться в бушующую и, можно сказать, коммунистическую Францию, поскольку был аристократом, а их там и арестовывали, и расстреливали. Даже потом, когда коммунаров самих расстреляли у кладбища Пер-Лашез, он продолжал жить в Санкт-Петербурге. Он был ещё молод, лет двадцать пять, двадцать семь... По дошедшим до меня преданиям – хорош собой, не глуп и лёгкого, весёлого нрава. Его привечал сам Император, пожаловал французскому, можно сказать, политическому эмигранту имение здесь, в этих местах, на плодородных землях.

Альберт рассказывал увлекательно, чуть иронизируя – Сергей просто заслушался. Тот заметил это.

– Интересно? Ну, слушай дальше. Александр Второй оставлял Филиппа Лугренье при дворе, но тот очень скоро уехал в своё новоиспечённое имение и стал жить здесь. Построил дом – небольшой по меркам того времени, но такой, как сам захотел. Какое-то время жил уединённо... Не то, чтобы избегал соседей-помещиков, нет, на приглашения откликался, ездил – он ведь был завидный жених. Но к себе особенно никого не звал, а те, кто всё-таки навестил его в его доме, а, может, – замке, – поговаривали о странных и неприятных ощущениях. Пошли даже слухи о том, что наш предок колдун.

– И что, были основания? – весело спросил Сергей.

– Были, – ответил Альберт, и Сергею показалось, что взгляд его быстро метнулся в сторону. Но тут же родственник заулыбался и пояснил с присущей ему иронией: – Его родовые корни – а, значит, и наши с тобой! – берут начало от двух старинных семей. Одни, я имею ввиду корни, – тянутся из Юга Франции, провинция Лангедок. А там в двенадцатом веке, в пору рыцарства, появилась мощная секта – катары или альбигойцы.

– Я что-то слышал, но так, по верхам...

– Они выступали с критикой Церкви: священники безнравственны и непомерно богаты, а жить надо просто, свято, в любви к ближнему...

– Новое – давно забытое старое! Сейчас тоже подобное можно слышать.

– Да, – согласился Альберт. – Только альбигойцев обвиняли ещё в колдовстве, магии, прямом сотрудничестве с Дьяволом. Надо сказать, не без основания. Одним из их постулатов было то, что равно существуют две высшие силы: Добро и Зло – Бог и Дьявол. И что наши ангельские души заключены именно Дьяволом в тёмные сосуды-тела для того, чтоб испытать ад на Земле.

– Интересно... Так что, род Филиппа Лугренье происходил от альбигойцев?

– Есть такое предание. Вторые его корни были из северо-западной провинции Франции, из Бретани. А это – кельты, друиды... Представляешь, какая гремучая смесь католического сектантства и язычества!

– Но он-то сам для своего времени был современным человеком? Я так понял, – Сергей смотрел на Альберта вопросительно. – Конец восемнадцатого века, всё-таки.

– А вот ходили слухи, что он не забыл верований предков... Впрочем, слухи эти держались не долго. Года в тридцать четыре Филипп женился по любви на дочери отставного полковника, дворянина и крупного помещика Родичева, перед венчанием перешёл из католичества в православие. Ну а дальше жил добропорядочно, пошли дети...

– Если знаешь, расскажи, мне интересно.

– Собственно, у Филиппа Лугренье было два сына: Илларион и Евграф. Илларион – это мой дед. Дальше очень просто: у него был всего один сын Александр – мой отец. У моего отца – тоже один сын, то есть я. Я никогда не был женат и детей у меня нет... Так получилось. Твою линию знаю не всю: Евграф – твой прадед, – имел сына Всеволода и дочь Наталью. У этой Натальи рождались сыновья, у них – тоже сыновья... А у Всеволода, наоборот – дочери.

– Да, – подхватил Сергей. – Это уже я лучше знаю. Татьяна, моя мама, и тётя Ольга. Она долго оставалась старой девой, а потом приняла постриг в женском монастыре. Поразительно, как хорошо ты знаешь историю рода!

– Да, я этим интересовался, – ответил Альберт просто. – Моя линия, похоже, на мне обрывается. И я очень рад, что нашёл тебя. Ведь давно потерял из виду твою маму Татьяну Всеволодовну и её сестру Ольгу. Теперь вот знаю. И о твоих девочках знаю.

Последнюю фразу он сказал как-то по-особенному... ласково, что ли? Голос дрогнул и, показалось Сергею, глаза заблестели от слёз. Это тронуло его, он сказал:

– Алик, чего мы тут сидим? Пошли к нам, познакомишься и с моей Машей, и с девчонками. Увидишь, как они обрадуются!

– Нет, – ответил Альберт сразу, словно ожидал этого приглашения и готовился. – Сейчас не могу. Конечно, мы познакомимся, но позже, другой раз. Есть обстоятельства...

Глава 4

Лёгкая рука любимой женщины легла на плечо, её губы коснулись виска, мягкие, ещё не причёсанные волосы защекотали щёки. Сергей улыбнулся, обнял Машу за талию, посадил на широкий подлокотник кресла. Она, укутанная простынёй наподобие римской тоги, ещё щурила сонные глаза, но лицо её светилось радостной утренней свежестью. Она обняла мужа за плечи, прижалась. И спросила, словно прочитала его мысли:

– А почему всё-таки Альберт так ни разу и не пришёл к нам?

Сергей ответа не знал. С момента их знакомства, тем тёплым и солнечным сентябрём, когда проходила выставка, и до весны – времени исчезновения Альберта, тот много раз приходил к Сергею в мастерскую. Причём, всегда заставлял Сергея в одиночестве – ни коллег-художников, ни Маши с девочками. Как будто знал... Он совершенно не мешал: садился в кресло у окна, смотрел, как Сергей работает у натянутого на мольберт полотна, и был так незаметен, что Сергей через время просто забывал о нём. Иногда они вместе рассматривали альбомы старых мастеров и современных художников, пили чай, разговаривали. В Альберте было столько врождённого такта, умения быть рядом и, в то же время, совершенно не навязываться, у него был философский склад ума, при этом уйма лёгкой, необидной иронии, энциклопедические знания... Он очень нравился Сергею, его компания доставляла удовольствие. Вот только иногда он, как и в первый день знакомства, внезапно поднимался и стремительно уходил, прощаясь уже почти на бегу. Когда Сергей как-то спросил – в чём дело? – Альберт ответил:

– Не обращай внимания. Долго объяснять, да и не хочется.

Так же неопределённо он ответил и на вопрос о своих занятиях, профессии.

– Я крупный предприниматель.

– Олигарх, что ли? – пошутил Сергей.

Но Альберт, склонив голову к плечу, сказал почти серьёзно:

– Так бы, конечно, я не сказал, однако... У меня, Серёжа, хорошее экономическое образования, и когда страна разваливалась, я быстро сообразил что к чему, подсчитал, прикинул... В общем, сейчас у меня несколько пакетов хороших акций – газ, нефть, военное производство, ещё кое-что, – партнёрство в двух банках, один завод... Правда, последнее время пробуют меня кое-откуда выжить...

– Конкуренты?

– Криминал, гребущий всё под себя!

– Это опасно? – беспокоился Сергей.

– Не забивай голову! – Альберт махнул рукой. – Но это одна из причин, по которой я не хочу бывать у тебя. Чтоб не подставлять твою семью. Твоих девочек... Я справлюсь.

Он и в самом деле каждый раз упорно отказывался прийти к Сергею в гости, к себе тоже не звал. Объяснений почти не давал, всё как-то неопределённо: «Нет времени», «Другой раз», «Уже поздно», «Не очень хорошо себя чувствую»... Но постоянно расспрашивал – о Маше и, главным образом, о дочерях. Сергей заводился с полуслова: вспоминал разные забавные истории, живо передавал характеры Даши и Аринки, их словечки, их фантазии, игры... Альберт слушал необыкновенно, словно окунался в этот мир. У него блестели глаза, на губах блуждала улыбка... Как-то раз он спросил:

– А как они меня называют?

– Говорят «дядя Алик» и всё ждут тебя в гости.

Альберт покачал головой, повторил растроганно:

– Надо же, «дядя Алик»!..

Потому Сергея особенно удивляло, что он так упорно избегает лично знакомства с девочками, которых – тут не было сомнений, – просто полюбил. Дважды Альберт расспрашивал об

истории рождения сестричек. Сергей, не скрывая, рассказал, что они с Машей по всем медицинским показателям – бесплодны. Оба! Врачи, как сговорившись, повторяли: «Ваши дочери не должны были родиться!» Эта фраза почему-то особенно восхищала Альберта.

– Не должны были родиться! – повторял и он с восторгом.

Всё это время Сергей и Маша, разговаривая между собой об Альберте, ни разу не сказали друг другу: «Вот у нас появился богатый родственник. Может он поможет нам с квартирой? Ему, похоже, это ничего не стоит...» Нет, Сергей даже ни разу не подумал так. Маша женщина, мать... Может ей и приходила такая мысль в голову, но она никогда не говорила ничего подобного. Они прикидывали, что если Серёжина популярность как художника будет держаться стойко, то года через два – а, может, и раньше! – они смогут купить двухкомнатную квартиру в одном из микрорайонов. Это будет чудесно! У девочек окажется своя комната...

Иногда Альберт исчезал надолго, а, появившись, говорил: «Рабочая командировка», и смеялся: его самого забавляла эта советская терминология. В январе, после Нового года, он вдруг стал приходить часто, чуть ли не через день. В один такой приход, сев в кресло и раскрепощённо потянувшись, улыбнулся:

– Хорошо здесь у тебя, спокойно. Я полюбил запах красок...

И вдруг, после паузы, сказал:

– А я ведь нашёл дом первого Лугренье. Филиппа. Наше, так сказать, родовое гнездо.

– Да ну? – У Сергея даже дрогнула рука, оставив неправильный мазок. – Он что же, уцелел? Или сплошные развалины?

– Представь себе, очень неплохо сохранился. Потому что после революции там постоянно что-то было: то санаторий, то клуб, то детский дом... Последние годы там размещалась клиника для алкоголиков, но она закрылась.

– И что?

– Я, знаешь ли, выкупил его... Не так давно. И дал деньги на восстановление церкви, она там была ещё со времён прадеда Филиппа – Преображения Господня.

– Здорово! – воскликнул Сергей. – Это где же, за городом?

– Когда-то, как и все помещичьи усадьбы, дом стоял среди полей, просторов, холмов... да. Но теперь город так разросся, почти обошёл его.

– Так ты там живёшь?

– Нет, у меня есть квартира. А дом я привожу в порядок, ремонт, сам понимаешь, нужен был серьёзный, современный. Уже почти закончил.

– Хотел бы я на него посмотреть...

– Увидишь. Скоро.

Голос Альберт прозвучал хрипловато, и глаза он прикрыл, и ладони приложил к вискам. Сергей сел напротив, посмотрел озабоченно:

– Ты здоров? Выглядишь как-то не очень.

– Проблемы...

Он, как и раньше, отказался что-либо рассказывать, а потом вновь исчез. Некоторое время Сергей совершенно не беспокоился, думал: опять «рабочая» командировка. А тут ему предложил один столичный художественный салон устроить выставку, Сергей стал усиленно к ней готовиться и вспоминал об Альберте только потому, что дочери иногда спрашивали: «А дядя Алик, скоро он к нам придёт?»

– Он уехал по делам, приедет и придёт... наверное, – отвечал.

Однажды вдруг подумал: «Что-то долго нет Альберта...» Но подумал так – мельком. Некогда было.

В один из майских дней на квартиру Лугреньевых позвонил незнакомый человек, представился адвокатом, поверенным в делах Альберта Александровича, назвал адрес своей кон-

торы и пригласил Сергея прийти. На вопрос «Зачем?» ответил: «Это не телефонный разговор». У Сергея заняло сердце. Маша тоже встревожилась:

– Что-то серьёзное... Нехорошее... Ох, Серёжа!

– Поверенный в делах, – покачал он головой. – Боюсь, с Альбертом беда. Он жаловался мне на конкурентов, готовых на всё.

– Он, наверное, умер, – тихонько вздохнула Маша.

– Но, может быть, он с кем-то судится и хочет моей помощи?

Так хотелось ему думать... Но оказалась права Маша.

В крупной адвокатской конторе, в кабинете на втором этаже его встретил пожилой человек со сдержанными манерами, спокойным проницательным взглядом сквозь очки с толстыми стёклами. Он сразу сказал:

– Ваш родственник скончался, вы, Сергей Александрович, являетесь его наследником. Единственным.

Часа полтора провели они в кабинете вдвоём: Аркадию Петровичу многое надо было рассказать, Сергею – осознать. Он только-только привык радоваться приятному другу и родственнику, и вот, внезапно – горе потери. А тут ещё свалившееся на него почти богатство: какой-то дом и два банковских вклада! Они были оформлены на имена Дарьи и Арины, содержали большие суммы, которыми нельзя было пользоваться до совершеннолетия девочек. Но родители маленьких владелиц вкладов – их опекуны, – могли ежемесячно снимать проценты. О, это были очень приличные деньги!

Впрочем, о завещании Сергей и адвокат поговорили позже. Сначала Сергей услышал от Аркадия Петровича печальные подробности смерти... нет, гибели Альберта. В апреле лёд на городских водоёмах начал подтаивать, но любители зимней рыбалки не торопились «сворачивать удочки». В один такой день группка ребят двенадцати-четырнадцати лет сидели у лунок на реке. Солнце сияло и они, сквозь ярко осветившийся лёд, как сквозь стекло, увидели тело человека. Потом почти по Пушкину: с криками «Тятя, тятя, в наши сети!..» они помчались к берегу. Приехала милиция, водолазы, лёд разбили, утопленника вытащили. В куртке нашли специальное портмоне для пластиковых карточек, каких оказалось больше десятка: банковские, идентификационные, клубные, дисконтные... И все – на имя Альберта Лугренье.

Опознать погибшего пригласили нескольких человек. В семейном плане он был совершенно одинок, потому в морг пришли два его партнёра по бизнесу и его адвокат – Аркадий Петрович.

– Это только официально называлось «опознание», – печально качал головой, рассказывая, адвокат. – Сами представляете, два месяца в воде...

Сергей вспомнил, что Альберт перестал приходить к нему где-то после января. Да, именно так и получается, два, а то и больше месяца...

– В общем, опознали по косвенным признакам: рост, возраст, цвет волос, одежда. И, конечно, эти пластиковые карточки. Потом, когда милиция вскрыла его квартиру, нашли его документы. Это значит, он никуда не уехал... Вот и подтвердилось, что, увы, утонувший – это в самом деле господин Лугренье. А вскоре постановили считать инцидент самоубийством.

– Почему! – Сергей даже слегка стукнул кулаком по столу и сам этого не заметил. – Он боялся каких-то людей, конкурентов, связанных с криминалом! Я знаю, он сам мне говорил! Если надо, расскажу...

Аркадий Петрович проговорил мягко:

– Не горячитесь, Сергей Александрович. Я понимаю вас. Но следствие велось, да, вариант убийства тоже рассматривался. Но много фактов говорило о том, что Альберт Александрович готовился к своему печальному решению. Да... Я вам сейчас скажу, что именно. И первое – то, что лично меня убеждает... Четыре месяца назад Альберт Александрович рассказал мне о вашей встрече, знакомстве и дружбе. И здесь, в этом кабинете, в присутствии нашего дав-

него знакомого нотариуса, он оформил нужные документы на вас, как на владельца дома, и вклады вашим дочерям. Потом, уже наедине, сказал мне: «Об этих моих родственниках никто не должен знать. Даже когда я уйду в мир иной, не надо их впутывать. Только после всех процедур, формальностей и похорон... Пусть пройдёт месяц, всё успокоится и забудется, вот тогда вы и введёте Сергея во все имущественные права. Это моя воля и вы, мой душеприказчик, должны её выполнить». Альберт Александрович был человеком ироничным, мне показалось, он и тогда говорил шутя. Вот я и ответил: «Мы все под Богом ходим, но вы человек здоровый. Ваш наследник ещё и состарится, не зная, что он домовладелец». А господин Лугренъе так насмешливо поднял бровь, как он умел это делать: «Но Бог иногда позволяет нам самим его волю исполнить».

После паузы адвокат сказал горько задумавшемуся Сергею:

– Как иначе можно понять эти слова? «Самому исполнить волю Бога»? Об этом я, конечно, ничего не говорил следствию – как и наказывал мне Альберт Александрович. Но у них были и другие резоны.

– Какие же?

– Судите сами. Незадолго до своего исчезновения он рассчитался с долгами в двух компаниях, где был ведущим акционерам: отдал свои пакеты акций. Квартиру свою – отменное жильё в центре города, – оформил на дочь своей школьной учительницы, уже покойной. Причём, с таким условием, что та вступает в свои права летом... Словно знал! Или планировал... В то же время он перевёл деньги с одного своего банковского счёта в фонд строительства городского питомника для бездомных собак. Полностью ликвидировал и другой счёт, вот только неизвестно, куда пошли эти деньги. Возможно, тоже рассчитался с долгами. Меня всё вместе взятое убеждает: это самоубийство. А вас убеждает? Не совсем? Тогда, возможно, что-то прояснит письмо...

Аркадий Петрович открыл пластиковую папку, достал длинный запечатанный конверт, протянул Сергею. У того сильно заколотилось сердце. Некоторое время он смотрел на надпись крупным, стремительным росчерком – «Сергею Лугренъеву», – потом оглянулся растерянно. Адвокат понял, протянул ему ножницы, и Сергей аккуратно срезал тонкую боковую полоску, достал сложенный вдвое лист...

«Дорогой Серёжа. Начну банально: коль ты читаешь это письмо, значит меня уже отпели и похоронили. Не огорчайся, раз я так решил – значит мне так лучше. Я рад, что узнал тебя и твою семью (жаль, так и не встретился с Марией и девочками). Я полюбил вас, и не только потому, что вы мои единственные родственники. Прими всё, что я тебе отдаю, живи и будь счастлив, а я буду радоваться за вас... там, в другом мире. Знаю, что ты православный верующий человек, значит есть надежда, что мы когда-нибудь ещё встретимся... Обнимаю вас всех, Альберт».

– Здесь нет даты... – проговорил Сергей растерянно.

– Он написал и запечатал его при мне, тогда же, когда оформлял документы на вас. Четыре месяца назад.

– Прочтите, – Сергей протянул листок Аркадию Петровичу. – Здесь ничего личного.

Адвокат посмотрел, поднял взгляд:

– Согласитесь, это подтверждает вывод следствия... Что ж, Сергей Александрович, возьмите эту папку, в ней все документы: на дом, на денежные вложения. А вот и ключи от дома.

Сергей взял внушительную связку, пожал плечами.

– Но ведь в наследство, как я слышал, вступаю лишь через полгода?

– Вы не наследник, – терпеливо пояснил адвокат. – Вы владелец этого дома, причём уже четыре месяца владелец. Так что въезжайте, живите. И будьте счастливы, как написал мой покойный клиент.

Глава 5

Даша сидела на заборе. Забор был каменный, не очень высокий, но широкий – на него легко вскарабкаться и удобно сидеть. Она смотрела вперёд, туда, где холм полого спускался сначала к зарослям кустарника, а потом к небольшому пруду, вокруг которого красиво стояли деревья под названием «плакучие ивы». Слева от пруда начиналась рощица, переходившая дальше в густеющий лес. Воздух, пронизанный солнцем, казался прозрачным, и хорошо были видны дома посёлка за прудом: улицы, заборы, огороды. С недавних пор он считался уже городским посёлком. Однако по привычке все называли его «деревней».

А сразу за забором, до кустарника, тянулся зелёный луг, расцвеченный жёлтыми, белыми, голубыми цветами, серебристой полынью и широколистным папоротником. И высились редкие деревья – яблони и груши. На них уже вызревали мелкие плоды, «дички», сказал папа. Когда-то давно здесь был большой помещичий сад, а эти деревца – жалкие его остатки. Наверное, об этом тоже рассказывал папа, но, может, Даша и сама об этом знала. Откуда? Она не могла объяснить – просто знала. Знала же ведь она название всех цветов на лугу, а разве кто-то говорил ей о них? Конечно, о ромашке, васильке или чистотеле она могла и в книжке прочитать, и от мамы услышать. Но вот это пушистое жёлтое облако, пахнущее так сладко, что кружилась голова – откуда она, Даша, могла знать, что цветок этот называется «золотарик»? А вот знала же! Или что жёлтые колокольчики называются «донник»? Или «мышинный горошек» – ползучий стебелёк с усиками на листочках и синими цветками, собранными в кисти?

Раньше с родителями девочки выезжали только в лесопарк за подснежниками, да раза три – с компанией друзей на пикник к реке. Тогда они с мамой собирали букеты цветов, но взрослые называли их просто «полевые цветы». Сейчас, сидя на заборе, глубоко дыша и глядя вокруг, Даша чувствовала, понимала – она сама была и этим лугом, и цветами, и листьями, и блестящей внизу водой, и птицами... Как раз одна птичка опустилась рядом на забор и попрыгала в сторону девочки. Даша протянула руку, и та села прямо на ладонь. Это была зарянка – Даша узнала её по оливково-чёрным пёрышкам и желтовато-красной груди. А ведь раньше она видела только воробьёв, синичек да ворон. Когда недавно показала маме на маленькую зеленоватую птаху с оранжевой головкой и чёрными полосками по бокам и сказала: «Смотри, это королёк!», – мама поверила ей, но очень удивилась: «Откуда ты знаешь?» «Мне это дано», – ответила тогда девочка, а мама посмотрела на неё так нежно и странно, обняла и прижала к себе.

Хорошо, что уже каникулы. Не то, чтобы Даша не любила школу... Она отходила свой первый класс совершенно спокойно – не блистала успехами, но и не отставала от других. Когда Маша записывала дочку в школу, учителя качали головами: «Домашняя девочка, не садиковская... Трудно ей будет адаптироваться в коллектив!» Маша усмехалась про себя: она-то знала, что у Дашеньки все друзья – и детвора во дворе, и дети в тех кружках, куда она водит дочерей – гимнастика и музыка. Всему остальному – рисованию, английскому языку, сочинению стихов и сказок... – они с Сергеем сами учили девочек.

Так и вышло: Даша в классе дружила буквально со всеми. Было по началу несколько моментов... Две фирмово одетые девчушки стали смеяться над Дашей, заметив её заштопанные колготки. Даша осмотрела их с ног до головы, пожала плечиками:

– Нет, вы не царевны.

– Это ещё почему? – обиженно воскликнула одна. – Смотри, какие у меня серёжки золотые, с камушком!

– Дочери нашего царя Николая, царевны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия сами штопали себе чулки и не стеснялись этого. Они наоборот стеснялись выглядеть богатыми. Это вульгарно.

Девочки растерялись: они не поняли слово «вульгарно», но почувствовали пренебрежение. Только обидеться не успели – Даша добавила:

– Я тоже сама себе штопаю колготки. Видите, как аккуратно, даже красиво.

У Даши был самодельный рюкзачок – Маша связала его из толстых разноцветных веревок, как макраме. Во второй или третий день учёбы мальчишка-одноклассник, когда дети вышли после уроков во двор, со смехом пнул его ногой, закричал:

– Вот какой мяч! Давайте играть в футбол!

Но ещё до того, как подбежали другие ребята, Даша долгим взглядом посмотрела на него, сказала, словно глупому малышу:

– Ты ошибся. Это мой рюкзак. Помоги мне его надеть.

И повернулась спиной. Мальчишка, как загипнотизированный, притих и натянул лямки девочке на плечи. С того времени ни он, никто другой Дашу никогда не обижал.

... Девочка спрыгнула на траву и вприпрыжку побежала вниз по наклонному лугу. Созвездия небесно-голубых незабудок улыбались ей жёлтыми глазками, крохотные розовые полевые гвоздики стелились у ног, а звон колокольчиков сливался с жужжаньем пчёл... Сквозь кустарник хорошо протоптанная тропа вывела на бережок пруда. Здесь, где даже в такой жаркий день ощущалась влажность, росли красивые болотные ирисы, нежные лютики с блестящими лепестками и мелкие цветочки сурепки на длинных стеблях. Все эти цветы были жёлтыми, потому песок у самой воды казался их продолжением.

Дня через два, после того как семья поселилась в доме и когда девочки с родителями обследовали свой новый двор, они все вместе спустились к пруду. Папа сказал, что обязательно будет приходить сюда с этюдником – так здесь красиво. Маша тут же подхватила:

– Мы все будем приходить! Я могу сидеть здесь и писать. И девочки на глазах будут.

Даша тогда серьёзно сказала ей:

– Ты не бойся, это хороший пруд, ничего плохого с нами здесь не произойдёт. Разувайся, я покажу...

Сама сбросила сандалики, взяла маму за руку, потянула к воде.

– Вот как раз здесь самое лучшее место, песочек на дне ровный, и не глубоко.

Маша и в самом деле почувствовала мягкое и, в то же время, упругое песчаное дно, ровно и полого уводящее от берега. Вода была чистая и хорошо прогретая.

– Я буду здесь купаться, – заверила Даша, – на глубину не пойду, пока папа не научит меня хорошо плавать.

Маша знала, что на слово старшей дочери можно положиться. Но Аринка тут же стала прыгать, поднимая фонтаны брызг, бить ладонями по воде:

– А я умею плавать! Я вообще могу как рыба, в воде дышать! Дашка не умеет, а я могу.

– Тоже мне, русалка!

Сергей успел раздеться, вбежал в воду, подхватил малышку, подбросил и окунул, радостно визжащую. А Даша, совершенно не обидевшись, серьёзно кивнула:

– Да, она умеет.

В тот день они решили, что оборудуют здесь, на этом месте берега, пляж. Расчистят мусор, сколотят пару скамеечек и столик деревянные.

Вообще-то мама разрешала им с Аринкой самостоятельно гулять по двору – сколько угодно. Двор у них был большой и хороший. В одном месте росло много кустов роз, сейчас они все цвели и чудесно пахли. «Розарий» назвал это место папа и, когда увидел первый раз, воскликнул:

– Ну вот, Маша, твоя мечта сбылась! Экспериментировать!

Мама и правда очень любила розы. В их старой комнате у них все подоконники были заставлены горшками: герань, фиалки, гибискус, плющ-восковик, декабрист... Всё цвело круглый год. Но больше всего Маша возилась с карликовыми розочками, они у неё цвели с весны

до осени, она даже пыталась их прививать, чтоб на одном кустике были бутоны разных расцветок. В новом доме тоже оказалось много цветов. Во всех комнатах, в широких коридорах, на балконе и веранде они стояли в керамических расписных вазах, на красивых подставках: фикусы, монстеры, цветущие красные антуриумы и белые спатефиллумы... Но Маша сразу сказала, что свои цветочки из квартиры она обязательно перенесёт сюда...

Во дворе ещё были две беседки, скамейки, клумбы, газоны, по которым можно было бегать или лежать-загорать. А ещё – ровные асфальтированные дорожки с плавными поворотами. Увидев их, папа сразу сказал:

– Это здорово! Здесь можно славно гонять на велосипедах или роликовых коньках. Ну что, девчонки, купим то и другое?

Был здесь и добротный сколоченный деревянный сарай, когда они в него зашли, отперев висячий замок, сразу поняли – мастерская. На стеллажах, шедших по периметру стен, аккуратно разложены самые различные инструменты: молотки, ножовки, отвёртки, ножницы, кусачки, тиски... Стояло несколько небольших красивых станочков.

– О, – воскликнул Сергей, – это же токарный, а это для столярных работ! Надо же, даже фрезерный!

– Гончарный круг, – подхватила Маша. – Какая прелесть! И печь для обжига! Смотри, какая удобная, хоть и небольшая. Вот удача, Ариночка!

А Сергей со светлой печалью вспомнил, что рассказывал Альберту: Ариша очень любит лепить из пластилина различные фигурки, надо бы научить её работать с глиной...

Была в этом сарае и другая комната, где хранился садовый инвентарь, стояли пакеты с удобрениями...

Когда Даша пробегала по двору к стене забора, она слышала из сарая стук молотка. Это Ариша что-то там мастерила. Хорошо, что младшая сестра теперь не бежит за ней, как верёвочкой привязанная. Конечно, Даша хорошо понимала: раньше они все жили в одной комнате, куда было деваться малышке? Вот она и приставала постоянно то к маме, то к старшей сестре: «Поиграй со мной... Покажи кукольный театр...» А Даше хотелось читать или смотреть в окно. Но теперь у них всех так много места! Можно вместе что-то делать или играть, можно самому по себе – как хочешь. Вот и сейчас: мама разрешила Даше одной пройтись по лугу и даже спуститься на берег пруда. Дочка пообещала ей, что в воду не пойдёт – мама ей доверяет. А вдвоём с Аришей не разрешила бы, потому что та ещё маленькая и не всегда послушная. Вдруг возьмёт и сделает что-то такое...

Девочка сняла футболку и шорты, легла на песок немного позагорать. Вода была близко – вытянув руку, Даша шлёпала по ней ладошкой. Проносились стрекозы, дальше от берега течение несло и кружило листья, редкие лёгкие облачка висели неподвижно, не закрывая солнца. С другого берега доносились голоса, смех, но людей видно не было. Пляж, куда приходили поселковые жители, располагался дальше, за излучиной, с этой стороны не просматривался. Но вскоре Даша услышала детский говорок и смешки, подняла голову. В этом месте, перед поворотом, пруд сильно сужался, противоположный берег оказывался близко. И как раз на той стороне, прямо напротив неё, в воде плескались трое ребят – две девочки и мальчик: бегали по мелкоте, брызгали водой друг на друга и поглядывали туда, где загорала Даша. Вдруг они все разом поплыли в её сторону. Она села, ожидая гостей, а они вот уже – стали на дно, но не торопились выходить, смотрели на неё.

– Это ваш пляж? – спросила одна девочка.

– Нет. – Даша поняла: ребята имели в виду их семью. – Папа сделал здесь столик и скамейки, но не только для нас, для всех.

Тогда дети вышли на песок и сели рядом с Дашей.

– А у нас в посёлке все говорят, что вы богатые буржуи, и пляж захватили, и скоро пруд целый купите, никого пускать не станете.

– Глупости какие! – Даша даже брови нахмурила. – Буржуи ничего сами не делают, на них всякие слуги трудятся. А у меня и папа, и мама работают весь день. И во дворе мы всё сами убираем, сажаем и мастерим. Папа всё умеет и починить, и построить, а мама шьёт, вяжет, красивые макраме делает.

– У меня мама тоже вяжет, – воскликнула одна девочка. – У неё другая тётя шапочки и шарфики берёт и на базаре продаёт.

– Вот видишь! Разве буржуи так делают? Вы скажите своим родителям, а они другим людям пусть расскажут... И пляж, и пруд для всех.

Девочки Люда и Галинка оказались такие, как Даша – тоже перешли учиться во второй класс, а мальчик Коля был на год старше. Он пренебрежительно махнул рукой:

– Да это бабка Сазониha болтает. Она же колдунья, вот все и думают, что она знает. Только она со зла это.

– А почему ты говоришь «колдунья»? Какое она колдовство делает?

Ребята зажестикуют, заговорили наперебой:

– У всех сады хорошо цветут, а она скажет: «Не будет яблок ни у кого», – и всё попадает, пропадёт!

– У тёти Поли козлёнок потерялся, а Сазониha ей сказала: «Его в овраге птицы клюют». И точно,дохлый он там лежал!

– Моей маме врачи на каком-то аппарате живот посмотрели и сказали, что будет братик. А бабка засмеялась, говорит «Девку носишь». Вот сестричка и родилась.

– И внук у неё немой и какой-то придурочный...

Даша слушала, склонив голову, о последнем спросила:

– Глухонемой мальчик? Не говорит и не слышит?

Коля и Люда засмеялись, а Галя сказала:

– Слышит он всё хорошо, только говорить не может, всё мычит и кулаками всем грозит. Злой.

– Подслушивает за всеми, – добавил Коля. – А потом бабке своей докладывает.

– Как же он это делает, – удивилась Даша, – ведь говорить не может?

– Не знаю. Но она про всё знает. Это он для неё шпионит.

– А как же этот мальчик в школе занимается? Или он ещё маленький?

– Он, наверное, такой как я, – сказал Коля. – Только в школу он ещё не ходил. Он к бабке приехал жить недавно, весной.

– А родителей у него нет, – тут же добавила Люда. – Моя мама рассказывала, что сын Сазониhi где-то сгинул на заработках, а его жена ещё раньше умерла, вот Юрку этого к бабке и привезли.

– Значит, он сирота, – задумчиво протянула Даша. – Может, потому и обозлился?

– Да ну его! Пошли купаться!

Девочки следом за Колей вскочили, потянули Дашу за руки. Она засмеялась, покачала головой.

– Нет, я ещё плавать не умею. А вы так здорово плаваете, идите.

– Так мы тебя научим, пошли!

Она вырвала свои ладошки:

– Я обещала маме, что в воду не зайду.

– Так она же не узнает, – стала уговаривать Галя. – Мы не скажем!

– Ну и что, что не знает? – Даша даже удивилась. – Я ведь обещала. Мама мне верит.

Ребята переглянулись озадачено.

– Ну ладно, – сказал мальчик. – Тогда пока. Мы ещё к тебе приплывём. А если родители твои здесь будут, можно?

– Можно. Вы увидите, что с ними интересно и весело. А папа вас нарисует.

Домой Даша возвращалась медленно. Во-первых, наверх так не побежишь вприпрыжку, как под горку. Во-вторых, кузнечики и стрекозы такие красивые и доверчивые: прыгают на ладонь, садятся на плечо... И в-третьих, почему-то всё время думалось о мальчике, который умел слышать, но не умел говорить. У него нет родителей... Представить она себе этого не могла, но понимала – так бывает. Вот у них с Ариной нет ни бабушки, ни дедушки, а как хотелось бы! Хорошо, что у этого мальчика есть бабушка...

В это время что-то ударило её по спине. И по ноге. Даша обернулась. Она только что прошла мимо дерева – одичавшей груши. И вот там, на нижней толстой ветке сидел мальчишка и снова целился в неё несозревшей и очень крепкой грушкой.

– Ну и что? – спросила Даша со спокойным удивлением. – Зачем ты это делаешь?

Коротко стриженный лопухий разбойник бросил-таки в неё свой «снаряд», но рука наверное дрогнула – не попал. Даша стояла, молча глядя на него, и он, скорчив рожицу, погрозил кулаком.

– Ты Юра? – вдруг догадалась она. – Послушай, я хочу с тобой подружиться. Слезай, иди сюда.

Мальчик и правда ловко спрыгнул на землю, но тут же припустил бежать прочь. Оглянувшись, ещё раз погрозил кулаком...

Глава 6

Маша вышла из ванной, где в большой чаше джакузи резвилась Аринка. В пять лет ребёнка уже можно одного оставить плескаться в воде. Тем более младшую дочку, которая обожала воду и, оказываясь, умела плавать. Какая-то врождённая способность! Откуда? В бассейн девочек не водили – дорогое удовольствие, на море не ездили, на реке были три раза, там Ариша, ещё совсем маленькая, под маминым присмотром прыгала на мелководье. А вот же... Ну, положим, Даша хорошо рисовала, очень интересно, со сказочной фантазией. Это понятно: папа художник. А плавание? Когда они всей семьёй пришли второй раз к пруду, на «свой» пляж, уже экипированные для заплывов, малышка вошла в воду с Сергеем. Не успел он опомниться, как она поплыла – легко, ловко. Отец в несколько саженей догнал её, воскликнул:

– Ух ты! Молодец!

А она, счастливо смеясь, крикнула ему:

– Я и нырять могу! Смотри!

Нырнула, поплыла под водой. Он подхватил её – всё-таки испугался немного...

Так что плескания в джакузи Маша не боялась, хотя и подумала: «Минут через десять загляну...» Она пошла по коридору второго этажа пожелать спокойной ночи Даше, та ещё час назад ушла в свою комнату почитать перед сном. Читать старшая дочь научилась очень рано и теперь не изменила этой привязанности, так и не полюбив компьютер. В отличие от своей сестрёнки, которая с удовольствием смотрела на ноутбуке мультики, детские фильмы, играла в игры.

Даша сидела в уютном маленьком кресле, под настольной лампой-колокольчиком. Увидев маму, отложила книгу. Это была «Хижина дяди Тома» Бичер Стоу.

– Мама, – спросила девочка, – всё кончится плохо?

Маша растерялась. Она видела, что книга открыта на треть страниц.

– Ты дочитаешь и сама узнаешь...

Даша вздохнула:

– Мне печально и жалко всех. Я дочитаю, конечно, но я чувствую...

«Всё-таки они необыкновенные у меня девочки», – растроганно думала Маша, прикрывая дверь комнаты старшей дочери и направляясь к ванной комнате. Она чуть стукнула:

– Аринка, это я.

И зашла. Большая, квадратная, с закруглёнными краями чаша была полна воды – и всё. Девочки не было. Мгновенно задохнувшись, Маша шагнула вперёд: Ариша лежала на дне, вытянув руки и ноги, открытые глаза не мигали. Джакузи работала на среднем режиме, мелкие волны перекатывались, закручивались в весёлые водоворотики над маленькой неподвижной фигуркой.

– Нет... – закричала Маша, потому что то, что она почти сразу поняла, разум отказался принять.

И в тот же миг руки и ноги девочки плавно шевельнулись, она вынырнула лицом вверх, отвела налипшие на глаза волосы.

– Mamочka, ты что-то сказала? Я же там, под водой, не слышу.

Маша опустила на скамеечку, рядом с джакузи, изо всех сил сдерживая рвущиеся рыдания. Страх и счастье, испытанные почти в одно мгновение, легли на сердце жгучей болью. Она и держала руку у сердца, сама того не замечая. «Господи! – думала она. – Ты сотворил чудо! Ведь я и в самом деле, пусть на секунды, но увидела свою дочь мёртвой, утонувшей. И вдруг она ожила...» А Аринка радостно тараторила:

– Я могу жить под водой, мама, правда! Я нырнула сразу, как ты ушла. Хотела сразу вынырнуть, но забыла. Задумалась, представила, что я русалочка, и забыла. А потом поняла, что дышу... или не дышу? Не помню, но было так здорово!

Слёзы всё-таки проступили на глазах. Маша обхватила свою мокрую «русалочку», прижала к себе.

– Фантазёрка ты! – Она уже смеялась, хотя смех и был ещё почти что всхлипом. – Меня же десять минут не было!

– Да я и больше могла бы там лежать, – заявила дочь. – Просто сквозь воду тебя увидела и вынырнула.

В спальню Маша отнесла дочку на руках. Набросила на малышку пушистое полотенце-халатик с капюшоном, прижала к себе... Пятилетняя Аринка была тяжеловата – худенькая, но крепкая, мускулистая, – однако Маша несла её по коридору, почти не ощущая веса. Словно боялась отпустить мысленно потерянную и реально обрётённую дочь. Понимала: никакой трагедии не было, лишь в её воображении. А всё же прижимала к себе девочку с какой-то судорожной нежностью.

Аринка же продолжала возбуждённо болтать:

– Теперь я знаю первое, что умею. Я ещё много чего умею, мне гномик Эрлик сказал. Но я не знаю что.

– Конечно, дорогая, ты много чего будешь уметь, многому научишься. Гномик правильно сказал.

Маша улыбнулась и снова подумала: «Какие они у нас фантазёрки». Занесла дочку в комнату, положила на кровать, стала весело вытирать её.

– Нет, – возразила Аринка категорически. – Не научусь, а уже умею. Вот умею жить под водой. И что-то ещё, такое необыкновенное. Я ведь девочка Звезды.

– Ну конечно, – согласилась Маша, натягивая на неё уже пижаму. – Мы с папой давно знаем, что ты звёздная девочка.

И снова дочка помотала головой:

– Нет, не «звёздная». Я – девочка Звезды.

Маша не стала возражать, спросила:

– Какой-то одной звезды?

– Да! Я тебе её покажу! Вот только... – Девочка вдруг запнулась, задумалась, протянула: – Не знаю, сумеешь ли ты её увидеть? Даша может, а ты и папа... Не знаю...

– Ладно, маленькая! – Маша поцеловала её мокрые волосы. – Сейчас всё равно ещё звёзд нет. А потом когда-нибудь мы попробуем, вдруг и мы с папой увидим твою звезду. Спокойно ночи.

Ещё раз потихоньку заглянув к Даше – та всё ещё читала, – Маша спустилась вниз. Она легонько улыбалась, думая, как обо всём расскажет Сергею – и свои фантазии, и дочкины. Он вот-вот вернётся с собрания в Союзе художников...

А Аринка лежала у себя на кровати с открытыми глазами и думала с сожалением о том, что ни мама, ни папа не смогут увидеть её Звезду. Она не знала почему, но была уверена в этом. А ещё думала о собаке. Тоже нельзя рассказывать маме – она испугается. И напрасно. Большой Пёс такой хороший...

Увидела она этого зверя три дня назад, когда вышла из сарая-мастерской. Там она папиными инструментами сколачивала скамеечку. Вообще-то сначала Ариша хотела делать самолёт, чтоб самой летать и всех катать. Она, конечно, и так умеет летать, просто ещё не получается. Потому, наверное, решила делать самолёт. Но папа убедил её, что самолёт построить трудно, надо многое знать, долго учиться. И они вместе сбили половину табуретки, потом папа ушёл по делам, а она продолжала сама. И таки сделала!

Немного косо получилось, но красиво. Довольная, Аринка вышла из сарая, а Пёс стоит совсем не далеко, у ограды, смотрит на неё. «Как он сюда попал? А-а-а, перепрыгнул!» – догадалась девочка, ведь ограда была хоть и массивной, но не слишком высокой. Шерсть у зверя отливала серебром, мерцала и переливалась, словно по ней пробегали волны. На груди, ногах, шее и пушистом хвосте она была почти как снег белой, на спине – дымчатой, а лоб и глаза – словно в чёрной полумаске. Высокий, с мощным вытянутым телом, крупной головой, стоячими ушами, он был очень похож на огромного волка. Он и показался Аринке очень большим, но совсем не страшным. Ни на одну минуту она не испугалась: Пёс смотрел на неё такими добрыми глазами.

– Ты ничей? – спросила она. – Хочешь, я попрошу маму и папу, и ты станешь жить у нас?

«Нет, – ответил он ей. – Не проси. Я не останусь».

Конечно, Пёс не заговорил по-человечески, словами, но девочка услышала, как он ответил, слово в слово. Совсем не удивилась, только огорчилась:

– Я тебе не нравлюсь?

«Очень нравишься».

Он подошёл и положил ей голову на плечо. Ему не пришлось для этого становиться на задние лапы, они оказались одного роста. Ариша погладила его голову, а он снова сказал:

«Не говори никому обо мне. А я стану к тебе приходить».

– Хорошо, – согласилась она радостно. – Это будет наш секрет?

«Да».

– А как тебя звать?

«Называй просто Пёс».

– Пё-ос, – протянула она нежно, глядя его. – Ты такой хороший...

Больше Пёс не появлялся, но девочка знала: он обязательно придёт, может быть и завтра. Сладко и глубоко вздохнув, она сказала вслух:

– У Дашки есть её друг Эрлик, а у меня зато Пёс! Гномик, он сказочный. А у меня настоящий!

Повернувшись на бок, добавила:

– Всё, я сплю.

Аринка не знала, что в эти дни и у её старшей сестры тоже появился «настоящий» друг. Даше давно хотелось пойти в рощу у пруда, но родители не разрешали.

– Это же не далеко, – говорила она. – И я только на самую опушку.

– Нет, – папа обнимал её за плечи. – Ты умная девочка и уже большая. Но не настолько, чтоб одной ходить в лес.

– Это не лес! Лес дальше.

– Ты можешь не заметить, как он начнётся.

– Но я могу пойти с ребятами из деревни, они там все тропинки знают, сами говорили.

Отец и мать уже были знакомы с троицей пловцов, Колей, Людой и Галочкой, да ещё с Димкой и Шуркой, которые тоже приплывали на их пляж. Но папа всё равно не согласился. Даже наоборот:

– Вот как раз компанией вы точно углубитесь в лес, не удержитесь. Или просто не заметите, заиграетесь. Ты у меня такая мечтательница: zalюбуешься на птичку или цветок, и потереешься. Помнишь сказку о Маше и Медведе? Там Маша тоже с подружками в лес пошла...

Сергей засмеялся, поцеловал дочку в висок. Даша могла бы сказать ему, что никогда она не сможет заблудиться в лесу, что никакой зверь её не обидит – у неё есть очень сильные защитники, её волшебные друзья-братья... Но она промолчала, пошла гулять в поле – это родители разрешали. Однако роща так и манила, так и притягивала. Потому она, наклоняясь к цветкам, подставляя ладони бабочкам, непроизвольно шла именно в ту сторону. И в какой-то момент увидела, как из кустов, уже близких к роще, появилась фигура человека.

Даша остановилась. Незнакомец тоже. Он был не очень далеко, и девочка видела, что он одет в старые вещи, да и не по сезону: потёртая куртка, вязаная шапочка на голове, мятые брюки. И что он уже старик: сутулится, полуседая щетинистая борода... «Это, наверное, бомж» – догадалась она. Не раз она видела бомжей в своём прежнем дворе, у мусорных баков. Здесь же, в новом доме, – впервые. Да и был этот человек чем-то не такой. Внешне похож, но не тянуло от него смесью опасения и злобности, угодничества и агрессии, печали и бравады, жалких слёз и тяжёлого смеха... Девочка, конечно, не назвала бы такими категориями то, что ощущала раньше при встрече с людьми, которых стали все называть «бомжами». Но эту, окружающую их атмосферу смешанных чувств и эмоций, она всегда очень сильно ощущала. Вышедший из рощи старик был не такой: он смотрел на неё издалека добрыми глазами. И она пошла вперёд, навстречу.

Конечно, папа и мама много раз повторяли ей: «Не подходи к незнакомым людям, не заговаривай с незнакомыми, не ходи, если куда-то зовут. Сейчас столько плохих людей появилось...» Но Даша не считала, что ослушивается. Этот человек был хорошим, она знала. Иначе её друзья уже бы предупредили или даже просто удержали её. Колючая трава спуталась бы, чтоб она упала. Крапива больно стегнула бы по голым ногам. Птицы закричали бы, забили крыльями перед лицом. Мошка влетела бы в глаз... Да мало ли какой знак могли подать – она поняла бы. В прошлом году, тоже летом, был случай. Мама дала ей бидон, послала купить квасу в соседний двор. Даша купила и возвращалась. В одном месте надо было переходить проезжую дорогу. Ну и что! Она была уже большой девочкой, много раз переходила дороги сама, знала, как это делается. К тому же именно это шоссе считалось малоопасным: одностороннее движение, да и машины ездят не часто... Даша ступила ногой уже на дорогу, и вдруг бидон упал, зазвенел, квас вылился. И в ту же секунду из-за поворота вылетел бешенный автомобиль, промчался мимо, чиркнув по её бедру, как наждаком! И даже не затормозил, умчался. А дома мама прикладывала компресс к огромному синяку, качала головой: «Господи, Дашенька, как же так?» И долго удивлённо рассматривала бидон, у которого оторвалась ручка. Удивлённо, потому что и дужка на самом бидоне была цела, и кольцо на ручке не разогнуто.

– Не понимаю, каким образом эта ручка могла соскочить? Не понимаю!.. Кто-то оберегает тебя, доченька. Твой ангел-хранитель, наверное.

И она была права: Дашу оберегали. Ночью к ней пришёл уми Эрлик – он тогда приходил к ней только во сне, – и сказал:

– Ты будь внимательна и осторожна. Но и мы тебя не выпускаем из виду. В беду не дадим. Только умей понять наши предупреждения.

– Значит, это не ангел-хранитель, а вы? – спросила его во сне Даша.

Альв улыбнулся ласково, ответил немножко непонятно:

– Воля Его может любому дать силу ангела-хранителя...

Теперь, когда Даша шла к незнакомому старику у рощи, тревожных знаков не было. И когда она подошла, этот человек улыбнулся ей так радостно, что она сразу взяла его за руку.

– Меня зовут Даша. А вас как?

– Называй, детка, меня дедушкой.

– Дедушка... – протянула девочка. – У меня никогда не было дедушки.

– Это печально.

Он погладил её по головке, ладонь была тёплой, ласковой. И от него не пахло плохо, как от тех, кого она не раз видела в своём старом дворе. И всё-таки Даша спросила:

– Вы бомж?

– Да, – вздохнул дедушка. – Так получилось, детка.

– А где же вы живёте?

– А вот там, – показал он в сторону рощи. – Дальше, в лесу. У меня там шалаш, я построил. – И успокоил, заметив, что у девочки широко раскрылись глаза. – Там хорошо, тихо. И сейчас лето, ночи тёплые, я не мёрзну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.